

* Встреча с интересным человеком

Борис Иванович ДЕРЕВЩИКОВ,

коммунист, начальник отдела организации труда и зарплаты объединения «Карболит», актер Орехово-Зуевского народного драматического театра-спутника МХАТ имени М. Горького.

— Борис Иванович, — сказал заместитель секретаря парткома объединения «Карболит» В. М. Щипцов, — компетентный руководитель отдела, знающий специалист, много сделал для развития бригадной формы организации и оплаты труда. Он у нас и активный общественник; возглавляет группу пропагандистов.

А главный режиссер народного драматического театра, заслуженный работник культуры РСФСР Г. А. Каретников добавил к этому отзыву свои краски:

— Он не может без театра. Любя театр, он не только стремится как можно лучше сыграть свою роль, а делает у нас все, что требуется: помогает режиссеру, учит молодежь сценической речи, слову.

ВТОРАЯ ПРОФЕССИЯ — АКТЕР

— Давно увлеклись театром, Борис Иванович?

— Нынешний год у меня юбилейный. Стукнуло шестьдесят, 30 лет работаю на «Карболите», сорок — играю в театре. А вообще-то начал раньше, дебютировал как чтец.

— Откуда это пошло?

— От семьи. Читать начал в школе. Учительница Вера Сергеевна Востокова, знавшая толк в художественном чтении, помогла познать глубину слова, силу его. Дома прислушивался к советам отца. Он всю жизнь, более 50 лет работал на «Карболите» заместителем и главным бухгалтером завода и увлекался театром. Я в какой-то мере пошел по его стопам. Занимаясь в Московском авиационном институте, посещал театральную студию, декламировал, как тогда говорили. Словом, окончив МАИ, получил сразу две профессии — инженера и чтеца. Театр прошел через всю жизнь. У нас дома любили живое слово. Собираясь за столом, просили почитать, слушали внимательно. Люблю эти чтения за дружеским столом. Теперь тоже читаю, уже внукам.

— Но счет вы ведете от сорок пятого...

— Верно. Тогда впервые участвовал в спектакле. Это очень интересная история, она еще не закончена и продолжается. Так сказать, многосерийная.

— Расскажите о ней.

— Театральная студия МАИ подготовила спектакль по пьесе К. Симонова и В. Дыховичного «Друзья остаются друзьями». Премьера состоялась 18 апреля 1945 года, на ней присутствовали авторы. Я был помощником режиссера, ведущим спектакля.

Основное действие пьесы происходит во фронтовой редакции в конце войны. Герои мечтают о мирной жизни, о верности солдатской дружбе и дают клятву встретиться через 20 лет. Премьера прошла с большим успехом, и артисты студии дали слово встретиться через 20 лет и сыграть пьесу в том же составе. В приглашении на спектакль 1965 года сказано: «Никто из нас не стал актером. Мы стали инженерами, научными работниками, сотрудниками государственных и партийных учреждений». Все так, но всех нас объединяет любовь к искусству. Спектакль начался в тот же день и час, как и 20 лет назад, присутствовал и К. М. Симонов, по окончании его вызвали на сцену. И снова договорились о встрече через 20 лет.

— Встретились?

— Конечно. Недаром у нашего спектакля такое символическое название «Друзья остаются друзьями». Правда, в нынешнем году играли чуть позже, 3 июня: один из участников находился в заграничной командировке, ждали его. И Константина Михайловича Симонова, к нашей глубокой печали, уже не могло быть с нами. Договорились собраться в 2005 году. Как и герои пьесы, мы верим в вечную молодость, в настоящую дружбу и добрый юмор. Надеемся, что встреча, назначенная на XXI век, состоится. Кстати, спектакль этот мы поставили в нашем театре в Орехово-Зуеве, и на нем присутствовали мои друзья — участники премьеры сорок пятого.

— Так начиналось. А чем закончилась прошедшая после этого сорок лет?

— Работой и театром. После окончания института работал на авторемонтном заводе в Риге, с 1955 года — на «Карболите». Был один перерыв — три года находился в командировке на Кубе, был консультантом по вопросам нормирования и организации труда в министерстве труда. Все эти годы не порывал со сценой. В 1965 году Ю. Л. Гринев, бывший тогда главным режиссером народного театра, пригласил меня на роль чтеца в спектакле «Разлом» по пьесе Б. Лавренева. Чтец введен в спектакль волею режиссера, у автора в пьесе его нет. Перед началом каждого действия братишка — матрос, выхваченный прожектором из темноты, декламирует революционные стихи Маяковского. Мой герой — идею чтеца, а глашатай идей Октября.

— За это время вы сыграли немало ролей?..

— И все же разнотипных. Профессор Окаемов в «Машеньке» и Крутицкий из «Не было ни гроша, да вдруг алтын», классный руководитель Макс Иванов

в спектакле «Девочка и апрель» и фабрикант Смирнов из «Голодного похода». Мне близки психологические роли, пусть не очень внешне эффектные, но такие, чтобы можно покопаться в душе героя. В этом отношении интересно было работать над образом Крутицкого. Пробовал силы и в режиссуре, участвовал в постановке трех спектаклей — «Машанька», «Друзья остаются друзьями», «Старые друзья», «Машеньку», в ней мне доверили одну из главных ролей, играли на сцене МХАТа, зал — полон. Народный артист СССР Б. Смирнов прослезился и тепло поздравил нас с успехом.

— Чтец, актер, режиссер. Какое амплуа вы предпочитаете?

— Чтение. Правда, в последнее время стал меньше выступать со стихами и рассказами. Но по-прежнему считаю, что читать на эстраде куда сложнее, чем играть в спектакле. Чтец один на один со зрителем. В спектакле — партнеры, декорации, костюмы. У нашего брата — слово и жест, больше — ничего. Потому-то далеко не все, даже весьма хорошие артисты могут читать.

Чтение со сцены — это моя юность. Во время войны часто выступал со стихами, прозой, фельетонами в воинских частях и госпиталях. В Москве мало сценических площадок, на которые бы не поднимался в студенческие годы — Колонный зал, кремлевский театр... Люблю школьную аудиторию. Слово будит интерес к литературе, учит правильно говорить, развивает культуру речи. Замечаю, что в семьях, где читают вслух, не услышишь грубых бранных слов. А ведь скверные слова — это беда...

— Были и особо памятные выступления?

— Конечно. В 1965 году, когда отмечалось 20-летие Победы, гостили мы, советские туристы, в одном из партизанских сел Словакии. Местные девушки водили хоры, школьники читали стихи на своем языке и по-русски. Попросили и нас принять участие в концерте. Я читал из «Теркина». О встрече бойца с танкистами, потерявшими в бою командира — гармониста, о лихой пляске на зимней фронтовой дорожке. Слушатели плохо знали русский язык, но стихи Твардовского дошли до них. Лица их то хмурились, то расцветали улыбками. Когда я кончил и стихи аплодисменты, старый словак-партизан обнял и расцеловал меня: «Спасибо, сынок. Ведь ты артист?» — «Что вы, я инженер».

Памятны чтения на острове Свободы. Выступал в советской школе с рассказами Горького и Чехова, стихами Твардовского и Симонова. Перед отъездом, было это в 1976 году, пришли проводить соотечественники. Прожили вместе три года, но мало кто знал о моем увлечении. Самолет улетал в четыре утра, вечер поэзии шел до двух часов ночи. Весной нынешнего года читал бывшим фронтовикам «В тот день, когда окончилась война» А. Твардовского. Слушали со слезами на глазах.

— Программы готовите сами или с режиссером?

— Большею частью сам. Но, чтобы не ошибиться, непременно показываю кому-то. Понимающий человек скажет, волнуется его или нет. Тщательно подбираю репертуар, некоторые вещи в нем держатся 25—30 лет. Не ищущи стихи к датам, а берусь за то, что меня самого взволновало до дрожи.

— Процесс заучивания...

— Не учу так, как дети твердят в школе стихи или прозу наизусть. Работаю, как над всяким драматическим произведением. Уясняю, что должен сказать людям, пытаюсь передать своими словами. Читаю, размышляю, и текст запоминается сам собой.

— Труд большой...

— Колоссальный. Порой хватят монолог из спектакля. Он длится 3—4 минуты. А два-три рассказа — 30—40 минут. За внешней раскованностью и свободой чтеца — огромная работа.

— А плата за труд? Кто-то, а вы лучше других знаете, что каждый труд подлежит оплате.

— Когда я чувствую, что меня слушают и понимают, что зал не оравниное наслаждение. Слезы на глазах старых воинов при чтении Твардовского — высочайшая награда. А вообще наше

искусство — любительство в чистом виде. Мы ничего не ждем, кроме полного зала и аплодисментов. Но любительство лишь в том, что работаем не за деньги. Играть и читать стараемся на профессиональном уровне. Силы, отданные театру, возвращаются сторицей. Не говоря о благотворном воздействии искусства, сцена подарила встречи с К. Симоновым, Л. Зориным, В. Топорковым, М. Яншиным, А. Степановой, Б. Смирновым и другими прославленными литераторами и артистами.

— Но время, отданное театру, оторвано от дома, от семьи...

— Спектакль — праздник всей семьи. Репетиции, конечно, занимают свободные вечера. Жена почти за сорок лет привыкла. Понимает, что искусство требует жертв. Рыбаки, те уходят на ночь. Мы же пропадем только вечерами. Так уж сложилось, что всю жизнь я работаю в две смены — одна на заводе, другая — в театре. Но если бы в жизни не было театра, она обеднела бы, потускнела.

— Должность у вас, Борис Иванович, вроде бы далека от искусства. Инженер — трудовик и артист — совместно ли это?

— Знаменитый актер МХАТа Артем был учителем чистописания. К тому же работа нашего брата — живая. Быть начальником ООТиЗ — значит постоянно иметь дело с людьми. Через наш отдел проходят, так сказать, материальные интересы трудящихся. Этой сфере всегда, а особенно ныне, уделяется повышенное внимание. Совершенствование экономики труда, развитие бригадной системы — все это касается людей, их кровных интересов. Театр помогает мне в профессиональной работе. Легче найти подход к человеку, подобрать наиболее точные слова, а если хотите, и тон разговора. Бригада, как известно, дело добровольное. Убедить людей в преимуществах этой прогрессивной системы мне легче, чем иному. Недаром сейчас так много внимания уделяется психологии, взаимоотношениям людей в коллективе.

— Как сказал Сальери, «поверил я алгебрей гармоню...».

— Скорее наоборот, гармонией поверяем алгебру. Всякое искусство, как и спорт, филателия, коллекционирование, ремесло и другое, обогащает человека. В фильме «Монолог» профессор, увлекающийся солдатами, говорит: «Человек, у которого нет увлечений, не человек, а редька». Увлечения, если они не помеха делу, следует всячески поощрять. Тут многое зависит от руководства. Если руководитель считает, скажем, сцену пустой затеей — это плохо. Такие при любом промахе в работе твердят одно: «Ему некогда делом заниматься, у него один театр на уме». Настоящий руководитель понимает, что подлинное увлечение — важная часть жизни, вторая профессия. К счастью, на «Карболите» с пониманием относятся к увлечениям работников. Я уверен, что при всех равных условиях богаче и интереснее человек, у которого есть второе призвание — мир искусства, спорт, фотография, туризм.

Когда идешь на репетицию, стараешься оторваться от повседневных дум и забот. Начальное репетиция, ты уже в ином мире. Это своего рода отдых, активный отдых.

— Чем вы занимаетесь сейчас в обеих сменах?

— На заводе много текущих дел — успешно завершить год и пятилетку в целом, совершенствовать бригадную систему, искать способы повышения активности рабочих и специалистов путем новых моральных и материальных форм поощрения. Ведет подготовку к двенадцатой пятилетке. Много лет партком поручает мне пропагандистскую работу, ныне я руковожу группой пропагандистов, на что тоже требуется немало времени. В театре готовимся к новому сезону. Откроем его спектаклем по пьесе Б. Горбатова «Одна ночь», в котором мне поручена роль главы семейства, старого рабочего Богатырева.

Думаю подготовить новую программу и для чтения. С юности люблю поэзию К. Симонова. Очень хочу поработать над его поэмой «Иван да Марья». Работа предстоит большая, не менее чем на год. Слово — сила, и звучать оно должно во весь голос.

Беседу вел А. КОНОВАЛОВ.